

СЕРГЕЙ ЕСИН

О ПОЛЬЗЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

В академической среде неизбежно возникают мифы и легенды, связанные с определенными персонами. Я помню, когда в Университете учился я, то все студенческие разговоры на филологическом факультете неизбежно крутились около фигуре легендарного Николая Ивановича Либана, скромного преподавателя, на фоне других академических светил. Я не уверен был ли он кандидатом наук, но по его собственному признанию, прочел все курсы на филфаке. Но зато как он читал! В мое время Николай Иванович вел древне-русскую литературу, но как вел, как принимал экзамены! Мне удалось получить у него «отлично». А ведь в то время на факультете были и Виноградов, и Черных, и Пospelов, и Самарин!

На факультете журналистики, тогда невероятно престижном, звездой была Елизавета Петровна Кучборская. Эту фамилию я услышал чуть ли не в первый день знакомства и тогда невинного детского романа от первокурсницы Майи Горещкой. Но через десять лет, когда я подружился с знаменитыми выпускниками первых выпусков факультета, с Юрием Апенченко и Гарием Немченко, то опять чуть ли не в первом разговоре всплыла знаменитая фамилия — Кучборская!

У нас в Литературном институте тоже есть свои легенды и знаковые имена. Ну, конечно, это писатели, как правило известные или знаменитые, которые руководили семинарами, их, с которыми студенты проводили по пять или шесть лет, не помнить невозможно. Но в постоянных любимцах были и есть такие и на nive чисто академических наук. Легендами уже моих лет работы в институте стали Владимир Смирнов и Владислав Пронин. Таковой же прижизненной легендой стала и Инна Андреевна Гвоздева, историк, античник, латинист. В Лите Инна Андреевна преподает Историю древних цивилизаций, читает лекции и принимает экзамены.

В институт Инну Андреевну брал, за полгода до того как ректором стал я, мой предшественник Евгений Юрьевич Сидоров, будущий тогда министр культуры, который тоже разбирался и кого в институт брать, и что студентам преподавать. Тем более, что Инна Андреевна, пришла в Лит после легендарной Азы Алибековны Тахо-Годи, соратницы и жены академика Лосева. Но в то время, в начале девяностых, образование и университеты потихонечку

сдавали под напором оголтелого времени свои позиции. Именно тогда в Лите, как бы, подхватывая теряемое, мы усилили филологическую и гуманитарную составляющие. Вдруг ожили в наших аудиториях старославянский язык, и историческая грамматика. У меня тогда, как у ректора и как у человека еще не забывшего, как он учился сам, и как стал писателем, еще помнившего прорехи в собственных знаниях, была несколько иная концепция формирования личности и способности студента, чем у сменившего меня через тринадцать лет на этом посту Бориса Тарасова. Я полагал, что встреча с сегодняшним литературным истеблишментом это совсем для будущего писателя не главное. Работая в литературе и журналистике, студент сам, кого надо отыщет, и с кем необходимо познакомиться, и кому будет надо, поклонится. Для меня совсем не было главным встреча с редакциями журналов и издательств, я стремился показать студентам те полюса жизни, контакт с которыми всегда для простого человека и писателя, в том числе, административно затруднен и сложен. Студенту нужна сегодняшняя жизнь и хорошее образование. Именно тогда в Лите побывали «герои наших дней» и, в первую очередь, хорошо осведомленные знаменитые политики. Это были конструкторы и механики современной жизни. Совершенно новым, неожиданным и глубоким оказался Жириновский, невероятный интерес вызвал генерал Лебедь, по иному освещал действительность Явлинский, совершенно неожиданным для аудитории был всегда зажатый в телевизионные шоры Зюганов. Но ведь были еще и Степашин, и Лукашенко, и Путин, приехавший в институт еще премьер-министром. А как бы попутно, сопровождало политикам искусство: то оперные звезды Большого, то Василий Лановой с гениальным чтением Пушкина, то знаменитый модельер Вячеслав Зайцев. Я полагал, что каждый студент не случайно попал в институт, и как писать и как складывать тексты, если не догадается, то поймет во время учебы, а вот жизнь, ее крепкие основания, ее божественное культурное начало — это за институтом. Отчетливо понимая, силу нашего литературного и творческого крыла, в какой-то момент чуть ли не главной для меня стала кафедра общественных наук. Основы студент должен знать четко и по-настоящему. Ну, собственно, здесь мы снова вернулись к героини сегодняшних обстоятельств. Я даже не интересуюсь, сколько Инне Андреевне Гвоздевой лет.

В те девяностые, уже пошел другой студент. Это мы с пятого или шестого класса школы уже твердо знали, что есть в Египте пирамида Джосера и пирамида Хефрена, а также что Карфаген находится на берегу Средиземного моря, а Иудея не в Африке. Имена древних героев, название легендарных городов у нас были на слуху, а студенту надо было во время лекций по античной истории учить еще и греческих и римских древних богов. Собственно вот это все втолковывала в легкомысленные студенческие головы Инна Андреевна на первом курсе. Студенты не задумывались, что описание щита Ахилла им когда-нибудь понадобится для работы, а Инна Андреевна это абсолютно точно знала.

Какая невероятная зависть в то время у меня была к студентам. В юности

я, еще, не будучи студентом, бегал, как на таинство, на лекции Радцига, чуть ли не в пятьдесят лет впервые увидел Египет и Каирский музей, а у них уже была возможность все это увидеть в юные годы. Как бы, думал я, сработали эти впечатления в том, что я делаю, — словом «творчество» по отношению к себе, в отличие от моих студентов, я не пользуюсь, — как бы все могло отразиться и засверкать. Ну, все это, скажем, почти отеческие мечтания: если не смог я, если не досталось, то пусть, хотя бы осуществится в детях.

Взятие на первом курсе студентами Истории древних цивилизаций было похоже на штурм средневекового замка. Знать надо все, потому что где-то здесь, в отживших веках, начинались литературы! Они поблескивали первоначальными смыслами в глиняных табличках с клинописью и иероглифах папирусов. И не следует думать, что все эти сдачи происходили в благостной атмосфере. Это лекции Гвоздевой были похожи на праздники, когда аудитория внимала неведомой им прежде истории, и становилось слышно, как течет время. Здесь получала конкретное воплощение гамлетовско-шекспировская Гекуба, без которой нет литературы. Но первый курс, что с них желторотых возьмешь, им еще казалось, что все само залетает в голову. Но для легендарной Гвоздевой надо было, чтобы не только залетело, но и уложилось. Она ведь целила свой посыл в будущее.

Меня всегда и многие годы удивляло, что после слез, истерик, отчаяния на пересдачах античной или древне-римской литературы и истории потом, в дальнейшем лепились эти мифические истории о легендарных сдачах у Инны Андреевны. А кто знает, как лепится миф и из чего складывается репутация? Была ли Инна Андреевна благостна? Ну, после того, как я, студент-заочник, которого завтра забирали на службу в армию, пришел и вместе с группой филологинь-очниц сдал на «отлично» Либану русскую литературу XVIII века, разве Николай Иванович утерпел, чтобы не сказать своим студенткам: «Смотрите, дуры, как надо сдавать!» Это был концерт из вопросов и ответов. Петарды, которые выпускала Инна Андреевна, после, скажем, третьей за сессию пересдачи были очень заняты, но каким-то волшебным образом сюжетика боевого щита Ахилла или проблематика законов древней Ассирии к этому времени укладывалась в головы. Как, каким образом, почему все-таки это западало, а потом жило? Я думаю, что мало кому ведомым триумфом Инны Андреевны, стала защита дипломной работы одного нашего студента — он перевел на чувашский язык «Эпос о Гильгамеше». Руководил дипломом преподаватель по переводу, но ниточки-то тянулись к первому курсу к лекциям Гвоздевой.

Я ведь не напрасно упомянул начало 90-х годов. Именно тогда пошушукавшись с Инной Андреевной — как же в нас жила память о строгом и ответственном советском высшем образовании и как же плотно сидело ощущение о Литературном институте, как об элитном и уникальном — мы ввели в учебный план латинский язык. Сколько оказывается связано лишь с одним преподавателем! Но здесь есть и грустные мотивы. В позапрошлом году латинский язык — мелеет ли образование? — опять отменили. В тот год как раз премию Солженицына вручали Максиму Амелину за переводы

Катулла. Выступая на вручении, Максим вспомнил, как начинал учить латынь в Лите. Значит «шушукались» мы тогда с Инной Андреевной недаром. Занятно, что это признание в зале Дома Зарубежной книги, мы слушали сидя почти рядом с Б. Н. Тарасовым: я открывал, он — закрыл.

Ну и наконец, последнее, или почти последнее — как же я себя ругаю, нигде не могу без дискуссий! Но сначала, почти интимное. Институт у нас маленький, все творится почти в одном месте и вот, как-то я зашел в перерыве между лекциями на кафедру общественных наук. Никого на кафедре из преподавателей не было, и только у зеркала стояла в какой-то нарядной яркой кофте Инна Андреевна и расчесывала волосы. Я завистливо подумал, готовится, а я-то в старом свитере. Каждая лекция у нее была, как праздник. Я уже и раньше обращал внимание, как через снег, закутанная в шубу бредет профессор-историк по нашему двору, потом входит в здание, и там уже возникает птица Феникс. Откуда что берется: появляются туфли на каблуке, необычные бусы, молодость и свет глаз! Любовь к студенту, к истории, к своей профессии?

Как-то лет семь или восемь назад мне повезло очутиться с Инной Андреевной в Севастополе на научной конференции. И повезло вдвойне — она не отказалась показать мне Херсонес. Море оно, конечно, всегда море, а эти оставшиеся выгородки античных улиц и пеньки античных фундаментов помнились мне еще с юности, когда в 1963 году я приезжал в Севастополь делать интервью с К. Паустовским, мэтр лежал в морском госпитале. Тогда я тоже побывал в Херсонесе, подивился, подумал, но тогда был совсем иной гид. Как многое пролетело мимо, а здесь все задвигалось и ожило. Тогда же Инна Андреевна, наглядно объяснила мне, что такое древнегреческий полис. Это когда все пространство жизни, можно окинуть одним взглядом. Я почему-то вспомнил и это и Инну Андреевну в Микенах, у «Львиных ворот»: отсюда с возвышенности проглядывалось и все пространство полиса и все пространство царства.